

дедушек и бабушек, наших родных и близких, всех тех людей, чьи фамилии названы и всех безымянных, но ставших героями. И в минуты счастья приходиться к памятникам, потому что это несбывшееся счастье всех тех, кто погиб.

У меня к войне особое отношение. Для моего отца была другая война - страшная и мученическая война в чужой стране Афганистан. Я горжусь своим отцом. Он с честью выполнил свой интернациональный долг, не посрамив правое дело своего деда. Теперь мой младший брат и я должны гордо носить свою фамилию для продолжения рода, для защиты Отечества. Это будет наша общая победа. В этом будет частичка бессмертия наших прадедов в нас. Они с честью выдержали испытания, были крепки духом. Это они учат меня гордо носить звание Человек.

Галуза Анна,
студентка факультета
международных бизнес-коммуникаций

История одного пожелтевшего письма

Странное волнение ощущаешь, находя пожелтевшее от времени письмо. Дрожащими пальцами ты достаёшь его из конверта и, внимательно вглядываясь, вычитываешь порой каллиграфические, а чаще совершенно неразборчивые строки. И не столь удивительны сами письма, сколь чудесны истории, скрывающиеся за ними. Одну из таких историй рассказала мне моя бабушка, когда однажды, пересматривая фотоальбом нашей семьи, я папла за одним из снимков старое, но бережно сохрaнённое, письмо из далёкого 1948 года, из Москвы.

Произошло это в конце июля 1941 года в деревне Поляниновичи Быховского, а на тот момент Журавичского района, где после битвы за Могилёв остановились немецко-фашистские захватчики. В оккупированном селе остались только старики, женщины и дети. Они выживали, как могли, делились друг с другом всем, что у них было. Моей бабушке Фене, старшей из пяти детей в семье, было тогда четырнадцать лет. Отец ушёл на фронт с первым призывом, и всё хозяйство легло на плечи матери, чьё здоровье вскоре подорвалось, и старшая дочь стала главной опорой для семьи.

Однажды днём неподалёку от деревни раздался звук падающего самолёта, как выяснилось позже, это был советский штурмовик. Рассекая воздух пронзительным гулом, он исчез за лесом в паре километров от села, где было болото. Событие не осталось

незамеченным не только для местных жителей, но и для немецких солдат. Однако оккупанты не отважились отправиться на поиски самолёта, опасаясь сгинуть в непроходимой трясине, где всего за несколько дней уже затонуло несколько немецких танков. Поляниновцы знали, что если лётчик всё же смог выбраться из горящего самолёта, то попади он в топь — с этим уже ничего не поделаешь. Взрослые находились под строгим надзором солдат, поэтому пойти на болото решились старшие из детей, в том числе и моя бабушка.

Долго искать не пришлось: штурмовик упал в самый центр трясины. Чтобы добраться до него, дети секли лозу и выстлали себе тропинку. От самолёта клубился едкий дым, от запаха гари слезились глаза, но ребята пробирались вперёд: пилот был внутри и не мог выбраться без посторонней помощи. Когда дети вытащили его из кабины, в крови и копоти, обездвиженного, с едва уловимым дыханием, испугались и растерялись, но сдаваться было нельзя. Собравшись с силами, дети дотащили пилота до лесной опушки и оставили под хвоей, чтобы вернуться вечером. Как только стемнело, потихоньку двинулись в лес. Соорудив из еловых веток носилки, осторожно дотащили лётчика до деревни, оставив в доме по соседству с бабушкиным. Этот дом был под карантином, поэтому немцы туда не заглядывали.

Придя ненадолго в сознание, лётчик сказал, что зовут его Николай Афанасьев, и ему чуть больше двадцати. Первая неделя прошла как в страшном сне: из-за потери крови и неутраченной боли Николай бредил и почти не спал. Когда его рассудок прояснялся, смотрел на детей добрым, но пронзительно-несчастливым взглядом. Война забрала его юность, разрушила счастливое детство этих ребят, так рано повзрослевших и спасших его, рискуя собой. В одночасье миллионы советских граждан брошены агрессорами в пучину бесчеловечности и жестокости. И сейчас, обездвиженный невыносимыми страданиями, какого будущего мог он ждать? Идёт война, а он, молодой военный, уже не в строю...

Лекарства искали всей деревней, но доступ к ним в те времена мало кто имел. Приходилось собирать травы, корни, делать настойки и лечить Николая всеми возможными народными способами. Находиться в деревне русскому солдату с каждым днём становилось всё опаснее: карантин с дома, где прятали раненого, был снят, обыски участились. Рискую своими жизнями, жители деревни скрывали лётчика, переносили из дома в дом, прятали в банях и погребах. И никто не выдал этой общей для поляниновцев тайны. Так прошёл почти месяц, состояние Николая улучшилось, но больше находиться в Поляниновичах он не мог.

Километрах в восьми, в густых лесах, располагался партизанский отряд, но между ним и деревней находился немецкий пост. Когда летний урожай пропал, поляниновцы собирали зерно из закров и пекли хлеб, а относили его партизанам дети, которых немцы часто пропускали через свой пост, к остальным жителям деревни относились с подозрением.

Переправить Николая к партизанам можно было единственным способом - через лесное болото. Затягивать было нельзя: немецкие солдаты снова ходили по домам в поисках наживы перед отправлением на восток.

Наступила зябкая августовская ночь, Николай, бабушка Феня и двое мальчишек отправились в путь. Было светло, на просёлочной дороге к лесу никого не было, ноги легко шли по давно знакомым тропинкам, лишь иногда приходилось делать остановки, чтобы дать Николаю немного отдохнуть. Болото было всё ближе, в отдалении раздавались крики немецких солдат. Нужно было торопиться. Выбирая лучшую из тропинок, дети вели лётчика через лес. Оставалось пройти лишь топь, когда рядом послышалась немецкая речь. Вскоре появились и сами солдаты. Путники, не дыша, затаились за деревьями, в эти минуты решалась их судьба. Вдруг одного из ребят начало затягивать в трясины, он схватился за Николая, и тот вытащил мальчика, но был замечен. Поднялся крик, началась стрельба, бабушка указала лётчику направление, и тот побежал. Немцы стреляли ему вдогонку, а дети в страхе бросились домой. Навсегда из той страшной ночи запомнила бабушка прощальный, полный благодарности взгляд Николая.

Спустя пару дней, когда немцы покинули деревню и местные жители смогли вздохнуть свободно, в доме у соседки были найдены документы Афанасьева Николая, до войны проживавшего в Москве. Никто не знал, выжил ли солдат той ночью и остались ли у него родственники. Документы сохранила моя бабушка, а когда война закончилась, отправила их по указанному адресу, приложив небольшую записку. Немало времени прошло с того дня, послевоенные годы были полны забот и трудностей, но иногда бабушка всё же вспоминала о молодом лётчике, чья дальнейшая судьба не была ей известна...

Однажды, возвращаясь домой с работы, она нашла на пороге конверт со знакомыми именем и фамилией. В письме Николай рассказал о том, как попал к партизанам, что воевал и был ранен, а после войны служил, и немало помотало его по свету, но он не забывал того, что сделали для него жители белорусской деревеньки, моя бабушка.

Закончив свою историю, бабушка аккуратно погладила измятое письмо и посмотрела на меня печальным и добрым взглядом. И я поняла: это сокровенные воспоминания о ее первой влюбленности и ничто не способно стереть из памяти историю, которая таится за старым, пожелтевшим письмом... Бесконечно дороги эти воспоминания.

